

Российский опыт

Коммунистическая партия в системе власти в СССР

Александр Яковлевич ЛИВШИН

доктор исторических наук, профессор, факультет государственного управления, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Адрес: 119991, Москва, Ломоносовский просп., д. 27-4. E-mail: livshin@spa.msu.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Лившин А.Я. (2018) Коммунистическая партия в системе власти в СССР // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 3. С. 13–35. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-13-35

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются основные механизмы и этапы превращения большевистской «партии нового типа» в «партию-государство» – организационное сердце системы власти, построенной после 1917 г. Партию большевиков на поверхность исторической жизни вынесла грандиозная по масштабам русская революция. Властно-управленческая система, достигшая апогея в период пребывания Сталина во главе СССР, олицетворяла собой одновременно и нарушение исторической преемственности, и ее продолжение в новых формах. Большевистская идеология являлась ключевым средством коммуникации власти и народа. В центре системы коммуникации стояла партия, пропаганда же являлась одним из важнейших инструментов партийного управления обществом. Процесс легитимации коммунистической власти был сложным и достаточно длительным, завершился он в основном к концу двадцатых годов. В групповом сознании и в политическом поведении руководства партии в эпоху нэпа преобладали настроения единения, необходимости обеспечить сбалансированный коллективный подход к управлению страной. Принципы олигархического правления были отринуты тогда, когда из руководства

партией и государством были устранены фигуры, способные составить конкуренцию Сталину. Складывание и дальнейшие исторические трансформации института номенклатуры составляют центральную проблему изучения роли коммунистической партии в политической системе советского государства. Во время Великой Отечественной войны институционально система «партии-государства» достигает высшей точки централизации, но одновременно за счет делегирования Сталиным многих полномочий другим членам ГКО и Политбюро, созданная конфигурация становится более гибкой и адаптивной. После войны в недрах властной модели «партии-государства» вновь подспудно вызревали контуры системы олигархического «коллективного руководства». Н.С. Хрущев, совершая путь к консолидации своей личной власти, использовал тот же ее основной инструмент, что и Сталин в двадцатые годы, – контроль над партийным аппаратом. Одним из итогов хрущевского правления была институционализация советской системы, в том числе правящей партийно-советской бюрократии. Лозунгом нового этапа эволюции советской системы власти стало сохранение и поддержание стабильности. Формируется модель

итеративного планирования, при которой большинство контрольных цифр становятся итогом сложного процесса утряски и бюрократических согласований, когда импульсы в пирамиде партийно-государственного управления идут не только сверху вниз, но и снизу вверх. Многочисленные иерархии: союзно-отраслевые, регионально-отраслевые, контрольные и проч. в силу своей ригидности и неповоротливости были не в состоянии оперативно реагировать на потребности времени, быстро принимать решения. Функции координирующей инстанции, особенно в зонах пересечения ответственности этих многочисленных иерархий, брали на себя партийные структуры. Они же придавали постоянный импульс системе итеративных согласований внутри плановой советской модели. Горбачевская перестройка, исходившая из идеи демократического социализма, окончательно разрушила власть «партии-государства». Система власти, лишившись внутренней целостности, быстро рассыпалась.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Коммунистическая партия, власть, революция, легитимность, номенклатура, партийный аппарат

За сто лет, прошедших после прихода партии большевиков к власти в России в октябре 1917 г., создано огромное количество научных, публицистических и художественных трудов, как трактующих феномен большевизма, так и описывающих этапы последовавшей трансформации партии коммунистов в костяк властного механизма советского государства. Но, несмотря на обилие трактовок и объяснений, мы, осмысливая историю, сталкиваемся с одной из ее величайших загадок: как сумела маргинальная партия, не принадлежавшая к политическому мейнстриму дореволюционной России, не

просто захватить власть, но и сформировать на новых началах государственную систему огромной страны, превратившись в сердцевину ее властно-управленческого механизма, или, скорее, став властным аппаратом как таковым, «партией-государством»? Любая концепция, объясняющая этот феномен, кажется недостаточной, загадка исторической судьбы «партии нового типа» будет еще долгое время приковывать внимание исследователей. «Социально-политический феномен, воплотившийся в таком стратифицированном и многофункциональном явлении, как советская компартия, с трудом поддается идентификации», – писал известный российский историк С.А. Павлюченков [Павлюченков 2008, с. 18].

Становление «партии нового типа»

Успех партии большевиков, с одной стороны, может быть объяснен тем, что она верно ухватила цивилизационную сущность России, находившейся в начале XX в. на переломном этапе своей истории. Бытует мнение, что лишь партия большевиков с момента зарождения последовательно отставивала и в программных документах, и в практической политике некий отличный от западноевропейского и при этом вполне реализуемый путь развития. Это утверждение, однако, можно интерпретировать двояко: Россия не могла в принципе идти тем же путем, каким двигалась западная цивилизация; большевистская партия же предложила некую альтернативу развития, более-менее адекватную социокультурной матрице России и ее государственным традициям. Но с другой стороны, можно выдвинуть и иную версию: Россия в конце XIX – начале XX вв., не справившись с издержками в целом от-

носителем успешного процесса капиталистической модернизации (заклю- чавшегося, по сути, в ее последователь- ной европеизации), качнулась в сторо- ну традиционализма, выразителем ко- торого в весьма специфической форме явилась «партия нового типа».

Между тем очевидно, что партию большевиков на поверхность истори- ческой жизни вынесла грандиозная по масштабам русская революция, сломав- шая естественное течение истории. В статье «Социология революции» Поти- рим Сорокин замечал, что революция в России явилась ярким свидетельством прекращения периода мирной, «орга- нической» эволюции человечества [Со- рокин 1992, с. 266]. В известном смыс- ле, сам феномен «партии-государства» явился продуктом революционных по- трясаний. Вполне справедливым при этом выглядит утверждение известного израильского социолога и специалиста в области теории цивилизаций Ш. Эй- зенштадта, что «в России имело место величайшее нарушение преемственно- сти в плане перестройки социополити- ческого порядка, изменения символической и политической легитимности режима и изменения структуры соци- альной иерархии» [Эйзенштадт 1999, с. 280]. Большевики и их партия лишь отчасти отражали и продолжали поли- тическую традицию России; еще в боль- шей степени «партия-государство» яв- лялась продуктом нарушения истори- ческой преемственности.

Если исходить из версии, что воз- никновение власти коммунистической «партии-государства» явилось реак- цией на противоречия процесса «ев- ропейски ориентированной» модерни- зации России, то имеется одна сфера политического процесса (а скорее, да- же цивилизационного развития стра- ны), с которой не справлялись власт- но-управленческие и идеологические механизмы дореволюционной России.

Речь идет о своеобразной «имперской дилемме»: проблеме преобразования государства имперского типа в демо- кратическое государство, построенное на федеративной или иной основе, но при этом отражающее общую тенден- цию социально-экономической и поли- тической «европеизации» России.

Действительно, Российская империя, как ее иногда называют – «империя на марше», на протяжении веков не предус- матривала законченных и навсегда уста- новленных институтов и механизмов в формах своего государственного стро- ительства и управления присоединен- ными территориями. Система носила гибкий, «инклюзивный» характер, под- страиваясь под обстоятельства и нахо- дя приемлемые как для имперской эли- ты, так и для местного населения формы управления: где-то военные и полуво- енные (наместничества), где-то полуев- ропейские и почти европейские (Поль- ша, Финляндия), где-то – опиравшиеся на «туземные» традиции и институты. Неопределенность и нечеткость импер- ской системы управления являлись од- новременно и силой, и слабостью, по- тенциальной опасностью. Как полага- ют Джейн Бербэнк и Марк фон Хаген, отсутствие единого «организационного принципа» формировало «гибкое поли- тическое пространство», в котором ужи- вались различные подходы к организа- ции самоуправления, экономической жизни, образования [Burbank, von Hagen 2007, p. 20]. Однако, по мнению указан- ных авторов, неспособность обеспе- чить равные права, включая избиратель- ные, со временем становилась источни- ком растущего напряжения [Burbank, von Hagen 2007]. Тем не менее этот сво- еобразный подход *ad hoc* обеспечивал прочность имперской конструкции и в целом соответствовал задачам обеспе- чения устойчивой управляемости.

Следует подчеркнуть, что именно не- избежный процесс модернизации, по-

шедший по пути перехода к правовому государству на конституционных основах, создал упомянутую «имперскую дилемму». Требовалось наделять всех подданных правами, причем не только гражданскими, но и политическими. Необходимо было осуществлять переход к универсальному правовому пространству, не сочетавшемуся с традиционной системой управления «империей на марше». Задача оказалась нерешаемой в рамках прежней государственности и силами прежней властной элиты. В частности, введение равного избирательного права в империи, где согласно результатам переписи 1897 г. великороссы составляли менее 45% населения, в существовавших архаических государственных рамках было чревато потерей стабильности. По сути, ни одна политическая партия, кроме большевиков, не предлагала внятного решения «имперской дилеммы», причем в неразрывном сочетании с решением жгучих социально-экономических вопросов, которое могло бы быть понято и принято большинством населения страны. Модернизация уперлась в этот тупик, и в умеренной части политического спектра не нашлось ни лидера, ни партии, ни программы, которые бы провели страну по узкому коридору глубоких системных преобразований империи в демократическое государство, между Сциллой хаотического распада страны и Харибдой сохранения отживших свой век традиционных устоев. Можно, конечно, вспомнить усилия партии эсеров по выстраиванию демократической «федералистской» национальной программы, что, безусловно, способствовало их успеху на выборах в Учредительное собрание. Но историческое поражение эсеров в 1917–1918 гг. окончательно направило решение проблемы управления Россией как многонациональной и многоконфессиональной страной в русло политики большевистской «партии нового типа».

Между тем «партия-государство» сумела если не гармонизировать эту сферу, то сформировать некую властную модель, обеспечившую стабильную управляемость «псевдофедерацией». Эта система включала в себя густую сеть «клиент-патронских» отношений, так называемого «патримониального институционализма», соединявшего Центр с регионами и национальными республиками, причем партия и партийный аппарат являлись ее организационным сердцем [Истер 2010, с. 41–44]. Важную роль, помимо формальных институтов, играли столь характерные для советского государства неформальные политические связи и негласные механизмы управления. По мнению Джералда Истера, советскую государственность отличало то, что руководители провинциальных партийных комитетов «играли роль боевых генералов в кампании нового государства по созданию административно-командной системы на периферии Советской России» [Истер 2010, с. 192]. Если в дореволюционной России губернаторы получали власть лично от императора, то в советской системе региональные руководители (в том числе в национальных республиках) считались представителями центрального руководства коммунистической партии. «Они оставались преимущественно неподконтрольными любым региональным или общественным ограничениям», – полагает Дж. Истер [Истер 2010, с. 199]. Так партия в рамках «псевдофедерации» создавала видимость единого универсального институционального пространства, за фасадом которого таилась густая сеть клановых, личностных, неформальных связей и механизмов управления. Общим знаменателем этой сложной системы был партийный аппарат, включенный в номенклатурную систему СССР. Все это, разумеется, лишь отодвигало глубокий кризис в отношениях федерального центра и республик, как и кри-

зис межнациональных отношений в целом. Но советское государство просуществовало достаточно долго, и отнюдь не напряженные отношения между народами, населявшими Советский Союз, явились первопричиной его распада.

Вернемся, однако, к еще одной важной теоретической проблеме, лежащей в центре нашего понимания механизмов превращения РСДРП(б) в «партию-государство». Если считать, что большевики были единственной партией, предложившей России реальную жизнеспособную «неевропейскую» и «незападную» (вернее, антизападную) альтернативу развития, то можно ли считать идеологию большевизма утопией, которая могла реализоваться, выведя страну на новые рубежи развития и, самое главное, создав фундамент последующих успешных экономических и политических трансформаций? Утопичность идеологии большевизма, в центре которой – намерение построить бесклассовое общество на началах государства-коммуны, с экономикой, отринувшей товарно-денежные отношения – подтверждена самим ходом как российской, так и мировой истории. Но без понимания роли идеологии в превращении политической партии в «партию-государство» невозможно осмыслить советскую историю в целом. Разумеется, это большая и комплексная проблема; остановимся лишь на том ее аспекте, который касается роли партийной идеологии в государственном строительстве.

Авторы книги «Социокультурные основания и смысл большевизма» совершенно правильно, на наш взгляд, связали роль партии в советской политической системе с идеологическим конструктом, в основе которого была так называемая «историческая необходимость» большевистской революции и построения социализма. Если существует некая заданная «историческая необходимость», то единственным ре-

альным субъектом истории является партия, возглавившая угнетаемые массы [Ахиезер, Давыдов, Шуровский, Яковенко, Яркова 2002, с. 57–60]. «История большевизма есть, прежде всего, история формирования, функционирования идеологии, которую создал большевизм. Эта идеология была, с одной стороны, формой постоянно вырабатываемого самосознания партии... Но, с другой стороны, идеология являлась постоянно переосмысливаемой формой коммуникации между народом и партией, языком, на котором эта связь осуществлялась... Фокусом этого потока оказывалось руководство партии как особой социокультурной формы решения медитационной задачи», – утверждают авторы, и с этим мнением вполне можно согласиться [Ахиезер, Давыдов, Шуровский, Яковенко, Яркова 2002, с. 59].

В этом специфическом «коммуникативном» смысле СССР, безусловно, являлся идеократическим государством; большевистская идеология была ключевым средством коммуникации власти и народа. В центре системы коммуникации стояла партия: именно она генерировала смыслы, создавала курсы, была основным «медиатором». Пропаганда являлась одним из важнейших инструментов партийного управления обществом [Лившин, Орлов 2008; Лившин, Орлов 2012].

Известный историк Майкл Дэвид-Фокс, анализируя большевистскую идеологию, выделяет то, что ее характеризует в качестве доктрины (имея в виду марксизм-ленинизм), мировоззрения, исторической концепции, дискурса, ритуала, веры (влияния идеологии не только на умы, но и на сердца) [David-Fox 2015, pp. 81–97]. Интерпретируя идеологию как инструмент политики партии, Дэвид-Фокс замечает, что строительство социализма стало синонимом успеха советского государства, а идеологическое обоснование

использовалось для оправдания любого политического зигзага [David-Fox 2015, p. 91]. Манипулирование идеологией лежало в сердцевине деятельности большевистской партии по строительству государства и управлению им.

Идеология большевизма в той ипостаси, в которой она может быть охарактеризована как вера, является интерпретацией картины мира и жизненного опыта людей, живущих в периоды глубочайших кризисов и общественных потрясений. Она снабжает общество некой объяснительной системой, воспринимаемой на основе глубокой эмоциональной приверженности идее советского коллективизма. Идея коммунистического коллективизма тесно переплетается с теми аспектами идеологии, которые воспроизводят архетипы религиозности, в частности идею христианского спасения. В этом смысле использование вождями большевизма, в том числе и Сталиным, в партийном дискурсе религиозных и мессианских мотивов ряд историков трактует как признак, сближающий «партию-государство» с «церковью-государством» [David-Fox 2015, p. 97]. «Компартия бросила вызов принципам мироздания, она всегда стремилась преодолеть свой партийный характер, посягая на значение всеобщего, и настойчиво пропагандировала те элементы общего, которые присутствовали в ней как в особенном», – писал С.А. Павлюченко [Павлюченко 2008, с. 19]. Это изначальное стремление «партии нового типа» стать чем-то значительно большим, чем просто партия, стимулировалось идеологией большевизма, ее «сакральными» компонентами; именно в этом смысле, а не в контексте утопичности коммунистической

идеи, можно говорить об идеократическом характере советского государства.

Этапы становления «партии-государства» описаны в литературе достаточно полно. Изначально у большевиков не было ясного видения политического и управленческого механизма государства Советов. В работе «Государство и революция», написанной в августе-сентябре 1917 г., В.И. Ленин впервые в относительно цельном виде изложил весьма утопическую идею необходимости и возможности перехода к государству всеобщего народоправства (перехода управленческой деятельности непосредственно в руки трудящихся масс на основе прямой непосредственной демократии, через Советы). Партия при этом была упомянута всего один раз в качестве элемента государственной конструкции. Понятно, что Ленин рассматривал «партию нового типа» как основной инструмент осуществления революции и борьбы за власть. Для реализации этой функции, как подчеркивается в многочисленных ленинских работах, партия должна базироваться на профессиональных революционерах, на началах железной дисциплины и централизма. Однако идея отмирания государства, которой Ленин, опиравшийся на работы Маркса и Энгельса, включая «Гражданскую войну во Франции» (и написанное Энгельсом в 1891 г. введение к этой работе), придерживался в то время, не позволяла рассматривать партийные принципы и институты в качестве несущей конструкции властного механизма.

После победы революции утопия государства-коммуны не просуществовала ни дня в качестве практического принципа управления и прожила очень недолгую жизнь в качестве теоретиче-

1 Например, 26 января 1924 г. на траурном заседании II Съезда Советов, посвященном памяти В.И. Ленина, Сталин произнес речь, которая структурно напоминала антифон и совершенно определенно была выдержана в духе православной молитвы, литургии; основным содержанием ее было изложение «заповедей» Ленина.

ского конструкта, лежащего в основе представлений о советской государственности. «После Октябрьской революции партия как институт вновь заняла главное место в большевистском сознании, и под воздействием Гражданской войны большинство членов партии перестали воспринимать “Государство и революцию” всерьез», – пишет Роберт Даниелс [Даниелс 2011, с. 83]. Партия, по мысли С.А. Павлюченкова, в условиях революционного хаоса создала уникальную возможность образовывать «небольшой, но надежный островок централизованной власти, который год от года рос, покоряя анархию и захватывая свою шестую часть суши» [Павлюченков 2008, с. 212].

Уже в 1919 г. Г.Е. Зиновьев, оценивая ход и промежуточные итоги трансформации власти, происходившей под влиянием Гражданской войны, заявил, что «всем известно, ни для кого не тайна, что фактическим руководителем Советской власти в России является ЦК партии»². Подмена советских органов партийными в деле практического осуществления государственного управления была в разгаре, и вектор развития процесса в сторону формирования «партии-государства» обозначился вполне четко. В написанной в апреле-мае 1920 г. работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» Ленин декларировал новый тип организации властно-управленческой системы: диктатура пролетариата осуществляется партией; партия, управляя «массами», действует *через* Советы, профсоюзы и прочие «приводные ремни», обеспечивающие функционирование большевистской власти. Фактически утопия всеобщего народоправства была заменена достаточно жесткой государственной кон-

струкцией, организационным сердцем которой стала «партия нового типа».

Партия и государство в СССР

Важное значение для понимания дальнейшей судьбы «партии-государства» имеет проблема легитимности. Процесс легитимации коммунистической власти был сложным и достаточно длительным, завершился он в основном к концу двадцатых годов³. Большую роль в обеспечении того, что народ признал за большевиками и их партией право управлять им, причем управлять как раз теми методами, которыми это делалось, сыграл нэп. В этот «переходный период» власть строила политику на гораздо менее утопических, более реалистических основаниях учета специфики и социокультурных особенностей сложного, многослойного, многоукладного, домодернизационного характера общества. Институты, ритуалы, способ формирования новой власти стали казаться естественными, вытекающими из российской традиции и обеспечивающими государственную преемственность. Всеобъемлющая власть советской партийной бюрократии, олицетворявшая привычную населению традицию русского государственного централизма, также работала на легитимацию большевистского режима. Кроме того, к концу двадцатых годов в активную жизненную фазу вступило поколение, проходившее социализацию в послереволюционные годы, окончившее советскую школу и испытывавшее систематическое и достаточно длительное воздействие коммунистической пропаганды. Для этого нового молодого поколения монополярная власть ВКП(б) была абсо-

2 Известия ЦК КПСС (1989). № 8. С. 187 // <http://journal-club.ru/?q=node/17202>.

3 Подробнее см.: [Лившин 2010, с. 51–73].

лютно легитимной, как легитимным было и само положение «партии нового типа» в центре системы управления страной. Партия, вопреки проискам мировой буржуазии, интервентов и внутренней контрреволюции победившая врагов в Гражданской войне, а затем последовательно очищавшая себя от скверны антипартийных оппозиций в двадцатые годы, пронесшая через все испытания знамя Ленина, была в их глазах окружена ореолом успеха, аурой победителей. А победителей, как известно, не судят, их признают лидерами, им вручают свою судьбу и доверяют право вести народ дальше, к новым победам. Так к моменту начала «великого перелома» и эпохи сталинской «революции сверху» система власти, в центре которой находилась «партия-государство», обрела устойчивую легитимность.

В двадцатые годы, в период нэпа, восприятие обществом партийной власти обрело еще одно качество, которое, с одной стороны, также подпитывало процесс легитимации, а с другой – представляло для режима определенную опасность. Речь идет о дихотомии восприятия высшей власти, «вождей» и средней-низовой-местной прослойки бюрократии. «Вожди», руководители партии⁴, идеализировались и мифологизировались, в то время как на представителей низовых отрядов номенклатуры возлагалась ответственность за все тяготы повседневного существования людей, включая властный произвол и коррупцию. Конечно, такие дихотомичные

воззрения были привычными и отвечали российской традиции, но нарушалась целостность восприятия «партии-государства» как единого управленческого и кадрового механизма, необходимость создания которого была провозглашена Сталиным на XII съезде партии⁵.

Упомянутая выше борьба с «оппозициями» двадцатых годов показывает нам еще один немаловажный аспект процесса становления «партии-государства». Речь идет о формировании после смерти Ленина своего рода олигархической модели власти, которую условно можно обозначить как модель коллективного руководства⁶. «...Сплочение Политбюро против Троцкого в 1924–1925 гг. породило любопытную модель коллективного руководства... Коллективное руководство представляло собой взаимодействие политически равных советских вождей и относительно автономных ведомств, возглавляемых этими вождями. Признаком коллективного руководства было достаточно развитое разделение функций партийного и государственного аппаратов», – считает известный российский исследователь О.В. Хлевнюк [Хлевнюк 2015, с. 121]. В групповом сознании и в политическом поведении руководства партии в тот период преобладали настроения единения, необходимости обеспечить сбалансированный коллективный подход к управлению страной. Принципы олигархического правления были отринуты тогда, когда из руководства партией и государством были устранены фигу-

4 В первую очередь, члены Политбюро – те, кто, однако, подтвердил свое право называться «твердым ленинцем», то есть, в конечном счете, Сталин и его сторонники. Сам Сталин практически до конца нэповской эпохи воспринимался общественным сознанием как «первый среди равных».

5 На XII съезде в 1923 г. Сталин обрисовал свое видение принципов функционирования «партии-государства»: «После того как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь. В противном случае политика теряет смысл, превращается в махание руками». См.: *Сталин И.В. Сочинения*. Т. 5. М., 1947. С. 210.

6 Вывод о неизбежности нарастания олигархических тенденций после прихода большевиков к власти разделяет известный российский политолог О. Гаман-Голутвина. Этот вывод правомерен, если сопоставить события в России с опытом германских и итальянских социалистических партий: олигархический бюрократизм повсеместно приходит на смену демократии (см.: [Гаман-Голутвина 2006, с. 231].

ры, способные составить конкуренцию Сталину. Разгром «оппозиций» создал важную предпосылку ликвидации автономии ведомств и связанных с ними бюрократических аппаратов. Важную роль в этом разгроме сыграла принятая еще на X съезде в 1921 г. резолюция «О единстве партии», запрещавшая создание оппозиционных фракций; до этого оппозиционность в компартии если и не поощрялась, то не считалась крамолой⁷. Таким образом, накануне сталинской «революции сверху» страна вступила в завершающий этап становления системы власти, которую мы обозначаем как «партия-государство».

В тот период, в двадцатые и тридцатые годы, сформировался институт советской номенклатуры. Его складывание и дальнейшие исторические трансформации составляют центральную проблему изучения роли коммунистической партии в политической системе советского государства. «В своей совокупности номенклатура обеспечивает всю полноту власти в обществе», – справедливо отмечал М. Восленский [Восленский 1991, с. 112].

Номенклатура – понятие гораздо более емкое, чем особая система кадровых назначений, подбора, расстановки и передвижения по вертикали и горизонтали представителей советской управленческой элиты⁸. Это и принцип руководства обществом, и обладающий широкими привилегиями слой правящей элиты.

Секретариат ЦК и руководимый им партийный аппарат выдвинулись на первые роли в государственной жизни фактически одновременно с переходом реальной власти из рук Советов в руки

компартии, т.е. в период Гражданской войны, к концу которой в партии состояло 700 тыс. чел. Правда, последовавшие чистки партийных рядов привели к тому, что в начале 1924 г. в ВКП(б) насчитывалось 350 тыс. членов и 122 тыс. кандидатов [Гимпельсон 2000, с. 127]. С приходом Сталина на пост Генерального секретаря ЦК в 1922 г. работа аппарата была поставлена на совершенно новый организационный уровень. Генеральный секретарь, помимо выполнения иных обязанностей, получил в свои руки полномочия формировать повестку заседаний Политбюро и руководить кадровыми назначениями в партии. «От Сталина зависели карьеры многочисленных функционеров среднего уровня», – отмечает О.В. Хлевнюк [Хлевнюк 2010, с. 102]. Перехват партийным аппаратом функции управления страной, помимо иных последствий, означал отстранение рядовых членов партии от принятия решений. Это положение, при котором властные импульсы внутри самой партии шли почти исключительно сверху вниз, сохранялось на всем протяжении существования советского режима. При этом происходило становление специфического для сталинской эпохи «технократического взгляда на партию как на большое учреждение или фабрику» [Горлицкий, Момзен 2011, с. 57].

Сталин, которого люди, знавшие его методы руководства, за глаза называли «товарищ Картотеков» [Павлюченков 2008, с. 214], до предела бюрократизировал и формализовал работу аппаратных структур. Возникший в 1924 г. в результате слияния Оргинструкторского и Учетно-распределительного от-

7 На VIII партийном съезде член Политбюро Г.Е. Зиновьев утверждал: «Оппозиция – вещь законная. Никто против этого ничего не имеет. Съезд для того и собирается, чтобы каждая группа нашей партии сказала свое мнение» (цит. по: [Гимпельсон 2000, с. 135]).

8 Формально номенклатура – перечень руководящих должностей, назначение на которые происходило решениями соответствующих партийных органов. Номенклатурой также назывался список кандидатов на занятие руководящих позиций в партийных, советских, государственных и общественных структурах, т.е. список членов социальной группы, являвшейся советской управленческой элитой.

делов Секретариата ЦК Организационно-распределительный отдел, наряду с Оргбюро ЦК, стал центром аппаратно-кадровой работы. Таким образом, руководившие аппаратом структуры, в первую очередь Секретариат ЦК, стараниями Сталина были превращены из организационно-технических, «канцелярских» органов в политические⁹.

Формально историю советской номенклатуры обычно ведут от 12 июня 1923 г., когда было принято постановление Оргбюро «О назначениях». Это и последовавшие решения очертили основные механизмы номенклатурного принципа подбора и расстановки кадров. В частности, были утверждены номенклатурные списки № 1 и № 2, куда включены должности, назначения на которые производились решениями ЦК (Политбюро; это первый список) и Орграспредотделом (второй список). Фактически назначения по обоим спискам осуществлял Сталин. В тот период среди высших советских чиновников появилось даже выражение «ходить под Сталиным» – так говорили о кандидатах на должности, отозванных с прежних мест, но еще не получивших нового назначения [Хлевнюк 2010, с. 103]. Несколько позже возник список № 3 – ведомственная номенклатура.

Номенклатуру как правящую группу, таким образом, формировала партия. «Манипуляция кадрами стала основополагающим способом партийного строительства и главным приемом в реализации принципа партийного централизма на всех уровнях возводимой пи-

рамиды власти», – утверждал С.А. Павлюченков [Павлюченков 2008, с. 227]. Это относилось к руководящим кадрам собственно партии («партийная номенклатура»), Советов всех уровней, наркоматов (с 1946 г. – министерств; обычно эту группу чиновников относят к «хозяйственной номенклатуре»), официальных «общественных» организаций. Монопольная организация партийной власти в сочетании с необходимостью действовать в чрезвычайных обстоятельствах и чрезвычайными методами (вначале в условиях «великого перелома» – форсированной индустриализации и сплошной коллективизации, в условиях массовых репрессий, затем – в условиях войны и послевоенного восстановления) сформировали основные черты и признаки номенклатуры.

Во-первых, это «неотчуждаемость» номенклатуры. Система власти обеспечивала неизбежность пребывания в номенклатуре; работники, покидая одну должность, тут же занимали другую, оставаясь при этом в номенклатурной «обойме» [Восленский 1991, с. 130–138]. Этот базовый принцип осуществления власти «партии-государства» в сталинский период, казалось бы, не подвергивался в силу того, что номенклатурные ряды постоянно подвергались «прополке» в ходе массовых репрессий¹⁰. Однако не следует забывать, что изначально номенклатура создавалась и крепла как «классическая модель элиты мобилизационного типа» [Гаман-Голутвина 2006, с. 226]. Ее базовое предназначение заключалось в проведении

9 Важным для понимания сущности советской партийно-государственной системы является то, что политическими функциями Оргбюро ЦК и Секретариат были наделены именно в силу своего непосредственного участия в кадровых назначениях. Так, в период между XIII и XIV съездами партии из всех вопросов, рассмотренных Оргбюро, организационно-партийные составляли лишь 18,2%, а самую большую группу составляли вопросы распределения и перемещения работников аппаратов всех уровней – 33,2%. В свою очередь, из вопросов, решения по которым принимались Секретариатом ЦК, лишь немногим более 8% организационных, а 45,4% – кадровые (см.: [Гимпельсон 2000, с. 159]).

10 Один из самых сокрушительных ударов репрессий пришелся по «ленинской гвардии» – большевистскому руководящему ядру с дореволюционным стажем партийной работы. Символом этого периода в истории власти «партии-государства» стало устранение почти всех старых членов и кандидатов в члены Политбюро – Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина и др.

социальной мобилизации, поскольку в первые десятилетия существования советской власти, в условиях Гражданской и Великой Отечественной войн, «большого скачка» в социально-экономической сфере осуществлялся мобилизационный тип развития. Репрессии были неотъемлемым элементом форсированного движения, важнейшим инструментом реализации власти «партии-государства», как неизбежна была определенная степень милитаризации советской элиты. От нее требовалось самопожертвование, готовность принести жизнь на алтарь «исторической необходимости». Очевидно, что роль «сталинского авангарда», который сам в первую очередь перемалывается в жерновах репрессивной системы, не могла не войти в противоречие с групповым социальным интересом самосохранения советской элиты. Этот интерес ярко проявился уже в послесталинский период.

Важным признаком номенклатурной системы является ее информационная закрытость, секретность процесса разработки принимаемых решений, полное отсутствие публичности. Да и процесс рекрутирования в состав номенклатуры, как и механизмы дальнейших кадровых передвижений внутри системы, были скрыты завесой секретности.

«Выдвиженчество» и кадровые переброски также отличали номенклатурную систему. Выдвижение рабочих и крестьян в номенклатуру («привлечение широких масс к руководящей работе») по принципу анкетного соответствия, лояльности и идейной преданности, наличия «классового чутья» и «классового сознания» практиковалось с первых лет существования режима. Хотя к концу тридцатых годов была сформирована более-менее целостная система подготовки руководящих кадров, базовые «анкетные» принципы

«выдвиженчества» сохранялись на всем протяжении советского периода.

Номенклатурная система расстановки кадров являлась противовесом ведомственности: каждый руководящий работник, трудившийся в той или иной вертикально-интегрированной отраслевой структуре, действовал в рамках двойной подчиненности, неся ответственность не столько перед отраслевым начальством, сколько перед партийными структурами. «Отвётработника» легко могли перебросить в организацию, принадлежавшую другому ведомству, однако подчиненность партии и основная подотчетность по отношению к партийным структурам сопровождали номенклатурного работника всю его профессиональную жизнь.

Именно «переброска кадров» стала одним из постоянно реализуемых принципов организации управления страной. Номенклатурные работники перемещались по стране, делалось все для того, чтобы они не засиживались на одном месте. Еще в 1920 г. циркуляр ЦК разъяснял, что плановые переброски в масштабах страны осуществляются каждые три месяца, причем в кандидаты на перемещение должно было заноситься не менее 20% общего числа «отвётработников» [Гаман-Голутвина 2006, с. 229]. Переброски продолжались и в дальнейшем и сопровождали всю эпоху становления и укрепления власти «партии-государства». Они носили не только географический, но и отраслевой характер: чиновники перемещались горизонтально по ведомствам, последовательно руководя сельским хозяйством, культурой, социальной сферой. Лозунг «Кадры решают все!» по сути являлся идеологемой, реальным содержанием которой был окончательный переход к всевластию номенклатурной бюрократии.

Еще одним важным свойством номенклатуры был доступ к спецнаб-

жению, что в условиях товарного дефицита являлось важной привилегией. «Представляя государство, высшая партийная и советская номенклатура назначила себе лучшее в стране спецснабжение», – пишет известный специалист по проблемам снабжения и потребления в советскую эпоху Е. Осокина [Осокина 1997, с. 100]. Была построена целая иерархия спецраспределителей (а также спецмастерских, спецателье, спецстоловых, спецполиклиник и спецбольниц), снабжавших номенклатуру пайками дефицитных продуктов и товарами, которых не было в открытой продаже, оказывавших услуги, лечивших и в целом делавших жизнь несравненно более комфортной и обустроенной, нежели жизнь простых советских граждан. «Ответработники» имели и другие существенные привилегии: в сфере обеспечения жильем, в уровне зарплат, в доступе к элитному образованию, в возможности посещать другие страны и проч. Система привилегий, действовавшая на уровне союзного государства, копировалась и в республиках.

Тотальное обобществление собственности, переход к прямому директивному планированию в рамках пятилеток, широкое применение внеэкономического принуждения и репрессий институционально оформили и закрепили номенклатурную власть «партии-государства». Этот процесс совпал с завершением слома системы коллективного руководства и установлением единоличной сталинской диктатуры. 4 ноября 1930 г. Сталин заявил: «Председатель Совнаркома существует для того, чтобы он в ежедневной практической

работе проводил в жизнь указания партии» [Горлицкий, Моммзен 2011, с. 64], т.е. самого Сталина.

Здесь, однако, заключена проблема, связанная с пониманием механизма функционирования партийно-государственной модели управления. Даже в тридцатые годы, когда советская экономика была относительно небольшой, управлять ею, как и иными сферами, из одного кремлевского кабинета было практически невозможно. Объект управления – гигантская многонациональная страна – был слишком обширен и сложен для этого. По свидетельству Пола Грегори, Сталин и Политбюро в те годы непосредственно принимали решения по трем группам вопросов: о распределении капиталовложений, о распределении валютных фондов и о хлебозаготовках [Грегори 2006, с. 340–341]. Даже Госплан, структура, призванная осуществлять стратегические установки партийного руководства, принимал относительно небольшое количество управленческих решений из тех миллионов и десятков миллионов, которые ежегодно утверждались и реализовывались в СССР. Сталин до конца жизни непосредственно руководил деятельностью репрессивных органов и строго контролировал ее. Большинство остальных управленческих действий отдавались на откуп руководителям более низкого уровня¹¹.

Для объяснения того, как функционировала на повседневном уровне машина управления, существует несколько концепций. Одной из наиболее достоверных представляется теория «иерархической диктатуры» (или «гнезд диктатуры» – «nested dictatorship»), ко-

11 О.В. Хлевнюк, однако, полагает, что Сталин в тридцатые годы вникал и в различные относительно второстепенные вопросы, причем в его исключительном ведении находились ключевые военно-стратегические и внешнеполитические сферы (см.: [Хлевнюк 2010, с. 442]). При этом очевидно, что ситуация менялась с годами и в конце сороковых – начале пятидесятых годов была далеко не такой. Да и в довоенные и военные годы, разумеется, «верховный диктатор» не имел возможности лично контролировать сотни тысяч вопросов и принимать решения по ним, от которых зависело управление огромной страной.

торой, в частности, придерживается упомянутый выше П. Грегори.

Советская система управления представляла собой своего рода номенклатурную иерархию диктаторов, «маленьких Сталиных», каждый из которых был вынужден применять методы давления и принуждения по отношению к подчиненным. На каждом уровне начальник, включенный в общую систему номенклатурных назначений, обладал абсолютной диктаторской властью в рамках своих полномочий. Вся система «иерархической диктатуры» контролировалась партийным аппаратом, который, в свою очередь, подчинялся «верховному диктатору» – Сталину. «Каждому диктатору требовались мини-диктаторы, которые бы подчинялись ему и могли бы применить силу для того, чтобы добиться выполнения инструкций, а не наоборот», – пишет П. Грегори [Грегори 2006, с. 340]. Только так гигантская управленческая машина, действовавшая к тому же в условиях неизбежной в закрытом обществе «информационной слепоты», преобладания в силу командной экономической модели внеэкономических методов принуждения, могла обеспечить решение поставленных Сталиным и партией задач.

Накануне войны получили развитие некоторые новые тенденции в механизмах партийного руководства, также связанные с эволюцией системы единой власти. 4 мая 1941 г. решением Политбюро Сталин был назначен Председателем Совета народных комиссаров, т.е. возглавил правительство СССР. По мнению О. Хлевнюка, «формальное соединение в руках Сталина руководства высшими партийными и советскими органами привело к более четкому разделению их функций и порядка работы» [Хлевнюк 2010, с. 440]. Можно говорить о большей структурной четкости и стройности выстроен-

ной системы, ее процедурной упорядоченности. Аппарат ЦК был освобожден от решения большей части экономических вопросов, существенно ослабела его вовлеченность в непосредственное хозяйственное управление. В свою очередь, резко усилилось значение аппарата СНК. Однако внутренняя сущность власти «партии-государства» от этого не изменилась: практически все члены Политбюро стали членами Бюро СНК, что при усилении административного веса правительственного аппарата означало более удобную для Сталина конфигурацию системы управления. В условиях сосредоточения в руках вождя высшего партийного и хозяйственного руководства власть «партии-государства» достигла максимальной концентрации в одном руководящем центре.

Во время войны сложилась несколько иная по сравнению с предыдущим периодом модель отношений между Сталиным и его соратниками по высшему партийному руководству. История создания ГКО свидетельствовала о «временном изменении характера диктатуры» [Хлевнюк 2015, с. 282–283], о формировании нового политического компромисса внутри Политбюро, о консолидации системы высшей власти на основе заметного усиления управленческих полномочий высших советских руководителей. Одни и те же советские «вожди» были одновременно членами Политбюро, Бюро СНК, ГКО и Ставки, деятельность всех этих структур тесно переплеталась, что обеспечивало соединение задач военно-стратегического и экономического управления. Сам по себе ГКО не имел сколько-нибудь значимого аппарата, поэтому руководство страной осуществлялось при помощи партийного, советского и хозяйственного управленческих механизмов в центре и на местах. С одной стороны, институционально система «партии-государства» достигает высшей точки

централизации, но с другой – за счет делегирования Сталиным многих полномочий другим членам ГКО и Политбюро созданная конфигурация была более гибкой и адаптивной, лучше приспособленной для решения управленческих задач гигантской сложности.

В начале Великой Отечественной войны (июль 1941 г.) был восстановлен институт военных комиссаров, представлявших партию в войсках и назначенных чрезвычайными полномочиями (просуществовал до 9 октября 1942 г.). В годы войны быстро росла численность ВКП(б): в члены партии вступило 3,3 млн чел., а кандидатами в члены стали более 5 млн. Пропагандистские клише – «воюющая» и «сражающаяся» партия – в тот драматический период были как никогда близки к истине.

После Победы, в эпоху позднего сталинизма, в стране наблюдался быстрый рост численности как высшего слоя номенклатуры (так называемой номенклатуры ЦК; с 1948 по 1952 гг. выросла с 40 868 до 50 788 должностей), так и следующего за ним слоя, включавшего номенклатуры ЦК компартий республик, обкомов и крайкомов (на 1 июля 1952 г. достигла численности 352 669) [Хлевнюк, Горлицкий 2011, с. 8]. В этот период, еще при жизни вождя, стала заметна тенденция к стабилизации аппарата – чистки и репрессии против номенклатуры уже не носили столь массового характера¹². Происходила быстрая консолидация правящей социальной группы, на всех этапах властной иерархии наблюдалось преобладание «опытных кадров». Если на 1 января 1941 г. 49% секретарей ЦК компартий республик, обкомов и крайкомов составляли работники в возрасте 31–35 лет, то на 1 июля 1952 г. тако-

вых было лишь 5,2% [Хлевнюк, Горлицкий 2011, с. 9]. В недрах властной модели «партии-государства» вновь, как и в 1920-е гг., подспудно вызревали контуры системы олигархического «коллективного руководства». Этот процесс подстегивался старением Сталина и его физической неспособностью вникать в управленческую рутину, вмешиваться в решение большого количества второстепенных вопросов. При этом надо понимать, что становление олигархической системы в конце сороковых – начале пятидесятих годов не было линейным: престарелый диктатор прочно контролировал основные рычаги власти и препятствовал обретению «соратниками» клиентел и собственных политических баз. В 1949 г. члены Политбюро были отстранены от исполнения непосредственных министерских обязанностей. При этом с 1939 г. не созывались партийные съезды, да и пленумы ЦК были исключительно редким явлением. Политбюро давно не функционировало как коллективный орган, решения принимались Сталиным с участием в их обсуждении группы тех или иных приближенных к нему руководителей. Наконец, 5 октября 1952 г. был созван XIX съезд партии. Решением съезда Политбюро, в которое входило 11 членов, упразднялось и заменялось гораздо более широким Президиумом ЦК из 25 человек (плюс 11 кандидатов). Включение в состав президиума ЦК ряда новых работников, перепрыгнувших через несколько ступенек номенклатурной лестницы, было призвано ослабить власть прежнего руководящего ядра «партии-государства». Интересен еще один момент: в стремлении сбалансировать полномочия прежних карательных органов – МВД и МГБ –

¹² Это, однако, не касалось репрессий против рядовых граждан, включая целые народы, – они по-прежнему проходились катком по всему обществу.

и ослабить их руководителей Сталин пошел на создание альтернативных структур, подчиненных в управленческом отношении непосредственно ЦК партии. Р.Г. Пихоя называет вновь создававшиеся органы «партгосбезопасностью» [Пихоя 2000]¹³. Тем не менее новая система, постепенно укрепляясь, плавно перетекла в следующую эпоху, обеспечив относительно безболезненный переход власти в руки коллектива «сратников» после смерти диктатора. Можно согласиться с его мнением, что «власть в послевоенном СССР принадлежала олигархии, скрывавшейся за высшими звеньями партийного и государственного аппарата и маскировавшейся за массовой Коммунистической партией, выборной системой Советов» [Пихоя 2000, с. 6].

Н.С. Хрущев, совершая путь к консолидации своей личной власти в рамках системы коллективного руководства, использовал тот же основной инструмент, что и Сталин в двадцатые годы – контроль над партийным аппаратом. Само по себе это интересное развитие политического процесса, поскольку его соратникам – конкурентам по коллективному руководству, видимо, казалось, что центр власти в позднесталинскую эпоху окончательно переместился в правительственные структуры, а высокая степень сращения партийного и государственного аппарата позволит без особых усилий установить контроль над партийными секретарями всех уровней, действуя из правительства. Используя крушение Берии как предлог, чтобы обвинить его (и его мнимых сторонников) в стремлении отказаться от примата партийного руководства, Хрущев последовательно развивал наступление на позиции «со-

ратников». Любое заявленное стремление ограничить роль партии, сбалансировать ее всепроникающую власть государственным аппаратом, разграничить функции партийного и государственного руководства стало рассцениваться как покушение на устои советской власти. Быстро организовав смещение большого количества региональных партийных секретарей и заменив их на своих сторонников, Хрущев подошел к XX съезду КПСС уверенным в прочных властных позициях.

История этого эпохального события и его последствий для власти и для страны в целом достаточно хорошо известна. «Секретный доклад» Н.С. Хрущева о масштабных преступлениях сталинского режима, хотя и выводил из-под удара советскую общественно-политическую систему, коммунистическую партию и лично Хрущева, имел поистине тектонические последствия. Система власти «партии-государства» начала масштабную эволюцию в новое, пока еще неизведанное состояние, при котором должны были измениться в пользу всего общества приоритеты государственной политики, а массовые репрессии переставали быть одним из базовых механизмов социального управления.

Итоги съезда и принятые на нем решения обострили политическую борьбу в СССР, при этом Хрущев обладал несравненно более сильными, чем Маленков и прочие «сратники» по коллективному руководству, властными позициями. Никита Сергеевич прочно контролировал как ЦК, так и республиканских и областных первых секретарей.

Здесь необходимо сделать отступление. Известный экономический исто-

13 Так, в структуре Министерства иностранных дел было создано Бюро информации, занимавшееся внешней разведкой. Оно подчинялось ЦК партии. Партийные органы непосредственно занимались также следствием (см.: [Пихоя 2000, с. 62–63]).

рик Пол Грегори, которого мы уже упоминали, подошел к формулировке одной из своих базовых идей, используя метафорическую дилемму «лошадь или жокей?». Под лошадью он имел в виду советскую командно-административную систему, а под жокеем – того, кто руководил этой системой на том или ином этапе истории. Сталина при этом он считал первым «жокеем». За ним последовали другие индивидуальные и коллективные «жокеи», которые и привели советскую модель к крушению на рубеже восьмидесятых и девяностых годов. Однако, по идее П. Грегори, «лошадь» всегда первична – «рост концентрации политической власти в руках верховного диктатора произошел бы и в том случае, будь на месте Сталина кто-то другой» [Грегори 2006, с. 339]. И при Сталине, и при Хрущеве, и при Брежнев-Андропове-Черненко «административно-командная система оставалась практически неизменной» [Грегори 2006, с. 341]. Следовательно, можно сказать, что трансформации системы могли происходить только в случае объективного и стихийного развития внутри нее кризисных процессов, а деятельность «вождей» и руководителей партии тут ни при чем.

Но, как мы знаем, символическим итогом правления Хрущева явилось мирное и «демократическое» отстранение его от власти простым голосованием членов ЦК. Это означало, видимо, что и «лошадь» уже далеко не та, что при его предшественнике, причем произошло это главным образом благодаря деятельности самого Хрущева, хотя объективно таковы были потребности времени. Если мы вспомним М.С. Горбачева и всю историю перестройки, в ходе которой система «партии-государства» стремительно и лавинообразно развалилась, то нелепо было бы отрицать роль Михаила Сергеевича и его противоречивых реформ в подрыве существовавшей систе-

мы власти. Да и понятно, что роль Сталина и его личных качеств в строительстве всех частей командно-административной модели настолько уникальна, что не позволяет «отправить в утиль» воззрения сторонников «тоталитарной школы» в историографии сталинизма. Иными словами, «лошадь» (советская система) под влиянием политического руководства и деятельности лидеров «партии-государства» претерпевала заметные мутации, которые уже при Хрущеве позволяли задать вопрос: а та ли это самая система, что существовала в сталинское правление?

Победив в 1957 г. в борьбе с «антипартийной группой», Хрущев продолжил масштабные перестановки в высшем звене партаппарата: к началу шестидесятых годов сменились первые секретари более чем в половине регионов. Перестановки ускорились зимой 1960–1961 гг.: в республиках, краях и областях во власти почти не осталось сталинских креатур (за исключением Дагестана и Прибалтики). Подавляющее большинство руководящих работников было хрущевскими назначениями, что, впрочем, не спасло самого советского руководителя от вынужденной отставки. Парадоксально, но смена генерации высшей номенклатуры в условиях отсутствия репрессий против элиты привела к окончательному оформлению ее группового социального интереса, заключавшегося в достижении кадровой стабильности при сохранении и наращивании привилегий. При этом самостоятельной влияющей силой стала местная партийная бюрократия [Модсли, Уайт 2011, с. 236–237]. Реформы, зачастую мало предсказуемые, представляли угрозу этому базовому интересу номенклатуры. Важную роль в расхождении Хрущева и советской правящей элиты сыграла реформа управления экономикой 1957 г.: были введены новые органы управления по террито-

риальному признаку – совнархозы, а отраслевые министерства упразднялись. С одной стороны, союзная отраслевая номенклатура не могла быть довольна столь радикальными преобразованиями. С другой стороны, местные элиты, казалось бы, должны были приветствовать изменения, однако баланс был все же не на стороне Хрущева – любые радикальные реформы ослабляли клиент-патронские и иные неформальные связи, нарушали стабильность власти. Идеологическая и культурная десталинизация при этом в глазах бюрократии превращались в символ расшатывания порядков, подрыва основ власти коммунистической партии. В 1961 г., согласно новому Уставу КПСС, был принят принцип принудительной ротации кадров – массового регулярного обновления партийных органов (нижние органы должны были на каждых выборах обновляться на 50%, а ЦК КПСС и его Президиум – на 25%). При этом нельзя было занимать одну и ту же должность более двух раз. Примечательно, что в Устав, содержащий, помимо прочих положений, «Моральный кодекс строителя коммунизма», были введены статьи о расширении прав местных партийных организаций, о том, что в рамках отдельных организаций или партии в целом «возможны дискуссии по спорным или недостаточно ясным вопросам». Подчеркивалось, что задачей партийных организаций является «развитие самостоятельности и активности масс, как необходимого условия постепенного перехода от социалистической государственности к коммунистическому самоуправлению». Нововведения в партийной жизни диктовались объективной необходимостью преодолеть бюрократическое сопротивление изрядно буксовавшим реформам, но вытекали из утопических представлений о возможности построить в обозримом будущем коммунистическое общество. Разделение в 1962 г. партий-

ного аппарата по производственному признаку на городской и сельский, задуманное в том числе для сохранения Хрущевым власти, было воспринято как попытка проигнорировать принцип стабильности номенклатуры. Итог нам хорошо известен.

Одним из результатов хрущевского правления была институционализация советской системы, в том числе правящей партийно-советской бюрократии. Новое «коллективное руководство» во главе с Л.И. Брежневым не только восстановило отраслевые министерства, но и вновь перешло к территориально-отраслевому принципу построения партийных организаций. Воссоздавалась привычная партийная вертикаль – от ЦК КПСС к обкомам и райкомам партии. Интересна в этой связи судьба Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР – структуры, созданной в 1962 г. и имевшей высшие контрольные полномочия в отношении как партийных, так и советских органов, а также вооруженных сил и даже Комитета государственной безопасности. Этот орган был призван преодолеть бюрократическое сопротивление хрущевским реформам, которое могло поставить под сомнение выполнимость планов, изложенных в Программе партии. Потенциально гигантская разветвленная контролирующая суперструктура могла представлять немалую опасность для любого руководства, как и для номенклатурной прослойки в целом. Поэтому в 1965 г. Комитет партийно-государственного контроля был преобразован в Комитет народного контроля и лишен большинства полномочий.

Косыгинская экономическая реформа, хотя и придавала определенную динамику развитию советского народного хозяйства, была свернута не только из страха перед непредсказуемыми последствиями ее углубления, но и вви-

ду отчаянного бюрократического сопротивления. Лозунгом нового этапа эволюции советской системы власти стало сохранение и поддержание стабильности. Символом этой «стабильности» стало то, что на XXVI съезде КПСС Секретариат ЦК КПСС и Политбюро были переизбраны в полном составе, без малейших кадровых изменений. При этом быстро росла численность как самой партии, так и номенклатуры. С 1966 по начало 1980-х гг. число членов КПСС увеличилось с 12,5 до 17,5 млн чел. [Модсли, Уайт 2011, с. 242]. Резко замедлилась кадровая динамика в высших слоях партийно-государственной элиты: доля членов ЦК, сохранивших свой пост по результатам выборов на съездах, была в брежневскую эпоху самой высокой за всю историю партии [Модсли, Уайт 2011, с. 242]. Все это сопровождалось идеологической полуреабилитацией Сталина и сталинизма как системы.

В этот период произошло окончательное конституционное закрепление всевластия партии: Конституция СССР 1977 г. содержала статью 6, провозглашавшую КПСС «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций». Структура аппарата ЦК партии, его отделов и секторов детально дублировала органы законодательной, исполнительной и судебной власти. На практике партийному аппарату не удавалось сосредоточиться на выработке стратегических решений, решение любого вопроса требовало очень сложной процедуры согласований между партийными, советскими и хозяйственными структурами.

В эпоху «застоя» произошёл ряд других значимых изменений в механизмах осуществления партийно-государственной власти. В частности, произошло постепенное перерастание систе-

мы управления экономикой из сугубо командной в некую новую систему, названную известным экономистом Виталием Найшулем «экономикой согласований – бюрократическим рынком» [Найшуль 1991, с. 31–32]. Позднесоветская экономика была настолько велика и сложна, что осуществился неизбежный процесс уменьшения доли плановых заданий, формируемых в Центре, и, соответственно, увеличилась доля заданий, продуцируемых нижними этажами управленческой иерархии [Найшуль 1991, с. 41]. Создается модель итеративного планирования, при которой большинство контрольных цифр становятся итогом сложного процесса утряски и бюрократических согласований, когда импульсы в пирамиде партийно-государственного управления идут не только сверху вниз, но и снизу вверх. Многочисленные иерархии – союзно-отраслевые, регионально-отраслевые, контрольные и проч. – в силу своей ригидности и неповоротливости были не в состоянии оперативно реагировать на потребности времени, быстро принимать решения, подстраиваться под задачи научно-технического прогресса. Функции координирующей инстанции, особенно в зонах пересечения ответственности этих многочисленных иерархий, брали на себя партийные структуры. Они же придавали постоянный импульс системе итеративных согласований внутри плановой советской модели. В сущности, система эта начала складываться еще при Хрущеве, что только подчеркивает объективный характер проблем и вытекавших из них управленческих задач. Соответствующие отделы ЦК партии координировали работу подведомственных им правительственных структур, компенсируя отсутствие гибкости и придавая властно-управленческой системе некую адаптивную способность. При Брежневе и его наследниках эта модель приобрела законченный

вид, обеспечивавший итеративный характер принятия решений. В самих партийных структурах сформировались «министерские лобби», в хозяйственных органах и на производстве, а также в регионах чуть ли не главными фигурами стали «толкачи», «пробивавшие» для своих «хозяев» фонды, капвложения, нужные контрольные цифры и т.п. На административно-бюрократическом «рынке» при этом обращаются награды, премии, привилегии, возможности номенклатурного роста и проч. «Бюрократический рынок сформировал определенный тип управленца – не “солдата партии”, как в сталинское время, а “торговца партии”, для которого в государственной деятельности нет никаких институциональных ограничений. Судьба сибирской реки может обмениваться на диссертацию, согласие поставить партию труб – на московскую прописку для одного человека», – пишет В. Найшуль [Найшуль 1991, с. 50]. Интересно, что в идеологической жизни произошел в это время окончательный переход к неосталинизму, парадоксально сочетавшийся с кадровой стагнацией.

Горбачевская перестройка, исходившая из идеи демократического социализма, окончательно разрушила власть «партии-государства». Система власти, лишившись внутренней целостности, быстро рассыпалась. Политика гласности пробудила общество, вызвала небывалый интерес к переменам, создала необходимую для глубоких реформ социально-психологическую атмосферу. Появление в структуре власти избранного по новым правилам Съезда народных депутатов СССР, отмена в марте 1990 г. шестой статьи Конституции, введение поста Президента СССР сделали невозможными поддержание прежнего политического порядка. С начала 1990 г. и по лето 1991 г. из партии вышла почти четверть членов. Опорная конструкция советской го-

сударственности – коммунистическая партия – лишившись монополии на власть, не в состоянии была остановить быстрый распад власти, неизбежной частью которого стала суверенизация союзных республик.

Заключение

История рассвета и заката власти «партии-государства» рождает множество вопросов, на большинство из которых нет однозначного ответа. Одним из наиболее принципиальных является вопрос о том, можно ли было, начав согласованные реформы власти и экономики на предшествовавших перестройке этапах истории, обеспечить постепенный и относительно безболезненный переход к более гибкой и демократической общественной системе? По нашему мнению, эта возможность представляется исключительно утопической, а противоречия, заложенные в генотип созданной Лениным–Сталиным модели власти, были непримиримыми. Репрессии как метод социальной мобилизации и способ консолидации режима не могли продолжаться вечно, а при переходе к «мирному» способу осуществления партией своей монопольной власти режим неминуемо начал «размягчаться», обрастать многочисленными элитными интересами, тяготеть к конвертации власти в собственность и богатство. По сути, уже хрущевские преобразования, отвергнувшие методы «большого скачка», начали размывать базовые основания партийно-номенклатурной системы. Очень важным аспектом проблемы являются отношения между властью и обществом. Энтропия фактического отсутствия обратных связей разрушала советскую модель, поскольку отчужденное от государственных механизмов общество, проникаясь духом двоемыслия и неверия в коммунистические идеалы,

накапливало потенциал недовольства. Особенно остро это сказалось на сфере межнациональных отношений, как и на отношениях между Центром и союзными республиками. В условиях экономического кризиса, распада единого экономического пространства «псевдофедерация», скрепленная лишь едиными принципами аппаратно-номенклатурной системы, начала разваливаться: за «войной законов» последовал «парад суверенитетов». Местные элиты, уже не связанные обязательствами перед ЦК КПСС и нормами партийной дисциплины, спешили дистанцироваться от Москвы, обрести полноту власти, в том числе для того, чтобы конвертировать власть в собственность. Россия также объявила свой государственный суверенитет; начиналась новая глава в истории нашей страны.

Список литературы

- Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. (2002) Социокультурные основания и смысл большевизма. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Верт Н. (2010) Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН.
- Восленский М.С. (1991) Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия; МП «Октябрь».
- Гаман-Голутвина О.В. (2006) Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН.
- Гейер М., Фицпатрик Ш. (ред.) (2011) За рамками тоталитаризма: Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. М.: РОССПЭН.
- Гимпельсон Е.Г. (2000) НЭП и советская политическая система: 20-е годы. М.: ИРИ РАН.
- Грегори П. (2006) Политическая экономика сталинизма. М.: РОССПЭН.
- Даниелс Р.В. (2011) Взлет и падение коммунизма в России. М.: РОССПЭН.
- Истер Дж. (2010) Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН.
- Кип Дж., Литвин А. (2009) Эпоха Иосифа Сталина в России: Современная историография. М.: РОССПЭН.
- Лёве Х.-Д. (2009) Сталин. М.: РОССПЭН.
- Лившин А.Я. (2010) Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН.
- Лившин А.Я., Орлов И.Б. (2008) Пропаганда и политическая социализация // Отечественная история. № 1. С. 99–105.
- Лившин А.Я., Орлов И.Б. (2012) Советское «пропагандистское государство» в годы II мировой войны: ресурсные ограничения и коммуникативные возможности // The Soviet and Post-Soviet Review, vol. 39, no 2, pp. 192–218.
- Модсли Э., Уайт С. (2011) Советская элита от Сталина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг. М.: РОССПЭН.
- Найшуль В.А. (1991) Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. Анатомия застоя: Сборник. М.: Прогресс. С. 31–62.
- Осокина Е.А. (1997) За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М.: РОССПЭН.
- Павлюченков С.А. (2008) «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М.: Собрание.
- Пихоя Р.Г. (2000) Советский Союз: история власти. 1945–1991. 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Сорокин П.А. (1992) Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат.

Хлевнюк О.В. (2010) Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН.

Хлевнюк О.В. (2015) Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: АСТ, CORPUS.

Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. (2011) Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН.

Эйзенштадт Ш. (1999) Революция и преобразование обществ. Сравни-

тельное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс.

David-Fox M. (2015) *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Burbank J., von Hagen M., Remnev A. (eds.) (2007) *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*, Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.

Russian Experience

Communist Party in the Power System of the USSR

Alexander Ya. LIVSHIN

DSc in History, Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University. Address: 27-4, Lomonosovskij Av., Moscow, 119192, Russian Federation. E-mail: livshin@spa.msu.ru

CITATION: Livshin A.Ya. (2018) Communist Party in the Power System of the USSR. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 3, pp. 13–35 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-3-13-35

ABSTRACT. *In this article major mechanisms and different stages of the Bolshevik party's transformation into a "party-state" are examined. The Communist party has been brought to the surface of political life and power by the Russian revolution; the organizational principles of the Party along with its approaches to political process have to a larger extent evolved as results of the revolution. Therefore the system of power which has reached its peak during Stalin's rule has both been the product of continuity as well as change of the Russian political tradition. The Communist ideology has served as main instrument of communication between the authorities and the people. The Party occupied central position in that system of communication; one of the most important tools of the Party's control over*

the Soviet society was propaganda. However the process of the communist regime acquiring legitimacy has been rather lengthy; it was completed only by the late 1920s. The basic principles of "unity" within a ruling group were rejected when rivalry for power ended in Stalin's favor. The central element in the Communist party's system of power was the ruling elite – nomenclature. During World War II the institution of "party-state" has reached the highest degree of centralization; but on the other hand, the decision-making system was rather flexible and adaptable as compared with the previous period. After the War even within Stalin's dictatorship the contours of oligarchic "collective leadership" were emerging. N. Khrushchev used the same instrument as Stalin did – control over the Party

apparatus – while consolidating his power. One of the important results of Khrushchev's rule was the institutionalization of the ruling bureaucracy. Maintaining "stability" became the slogan for the new stage of the Communist regime's evolution. Socio-economic system was getting increasingly complex and less manageable; different hierarchies, including local and industrial elites, have been failing to make timely and correct decisions due to their rigidity and sluggishness. The Party was attempting to compensate those deficiencies, but was less and less capable of doing so. Gorbachev's "Perestroika" which was based on the idea of democratic socialism has finally ended the rule of the "party-state". Having lost its internal integrity the system of power has rapidly deteriorated.

KEY WORDS: Communist party, power, October revolution, legitimacy, nomenclature, party apparatus

References

- Akhiezer A.S., Davydov A.P., Shurovskij M.A., Yakovenko I.G., Yarkova E.N. (2002) *Sotsiokul'turnye osnovaniya i smysl bol'shevizma* [Sociocultural Foundations and the Meaning of Bolshevism], Novosibirsk: Sibirskij Khronograf.
- Burbank J., von Hagen M., Remnev A. (eds.) (2007) *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930*, Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
- Daniels R. (2011) *Vzlet i padenie kommunizma v Rossii* [The Rise and Fall of Communism in Russia], Moscow: ROSSPEN.
- David-Fox M. (2015) *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Easter G. (2010) *Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo. Sistema lichnykh svyazej i samoidentifikatsiya elity v Sovetskoj Rossii* [Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia], Moscow: ROSSPEN.
- Eisenstadt Sh. (1999) *Revolyutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsij* [Revolution and the Transformation of Societies], Moscow: Aspekt Press.
- Gaman-Goluvina O.V. (2006) *Politicheskie elity Rossii: Vekhi istoricheskoy evolyutsii* [Russian Political Elites: The Milestones of Historical Evolution], Moscow: ROSSPEN.
- Geyer M., Fitzpatrick Sh. (eds.) (2011) *Za ramkami totalitarizma. Sravnitel'nye issledovaniya stalinizma i natsizma* [Beyond Totalitarianism. Stalinism and Nazism Compared], Moscow: ROSSPEN.
- Gimpel'son E.G. (2000) *NEP i sovetskaya politicheskaya sistema: 20-e gody* [NEP and the Soviet Political System: 1920s], Moscow: IRI RAN.
- Gregory P. (2006) *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives], Moscow: ROSSPEN.
- Keep J., Litvin A. (2009) *Epokha Iosifa Stalina v Rossii. Sovremennaya istoriografiya* [Stalinism. Russian and Western Views at the Turn of the Millenium], Moscow: ROSSPEN.
- Khlevnyuk O.V. (2010) *Khozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [The Master. Stalin and the Establishment of Stalin's Dictatorship], Moscow: ROSSPEN.
- Khlevnyuk O.V. (2015) *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya: biografiya* [Stalin. The Life of One Leader], Moscow: ACT, CORPUS.
- Khlevniuk O., Gorlizki Y. (2011) *Kholodnyj mir: Stalin i zavershenie stalinskoj diktatury* [Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle], Moscow: ROSSPEN.
- Livshin A.Y. (2010) *Nastroeniya i politicheskie emotsii v Sovetskoj Rossii: 1917–1932 gg.* [Moods and Political Emotions in Soviet Russia: 1917–1932], Moscow: ROSSPEN.

Livshin A.Y., Orlov I.B. (2008) *Propaganda i politicheskaya sotsializatsiya* [Propaganda and Political Socialization]. *Otechestvennaya istoriya*, no 1, pp. 99–105.

Livshin A.Y., Orlov I.B. (2012) *Sovetskoe «propagandistskoe gosudarstvo» v gody II mirovoj vojny: resursnye ogranicheniya i kommunikativnye vozmozhnosti* [The Soviet “Propaganda State” during World War II: Resource Constraints and Communication Capabilities]. *The Soviet and Post-Soviet Review*, vol. 39, no 2, pp. 192–218.

Lowe H.D. (2009) *Stalin* [Stalin], Moscow: ROSSPEN.

Mowdsley E., White S. (2011) *Sovetskaya elita ot Stalina do Gorbacheva. Tsentral’nyj Komitet i ego chleny, 1917–1991 gg.* [The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and its Members, 1917–1991], Moscow: ROSSPEN.

Najshul’ V.A. (1991) *Vyshshaya i poslednyaya stadiya sotsializma* [The Supreme and Final Stage of Socialism]. *Pogruzhenie v tryasinu. Anatomiya zastoya* [Sinking in a Swamp (the Anatomy of Stagnation)], Moscow: Progress, pp. 31–62.

Osokina E.A. (1997) *Za fasadom «stalinskogo izobiliya»: Raspredelenie i rynok*

v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941 [Beyond the Facade of Stalin’s Abundance: Distribution and Market in Supplying the Population During Industrialization. 1927–1941], Moscow: ROSSPEN.

Pavlyuchenkov S.A. (2008) *«Orden mechenostsev»: Partiya i vlast’ posle revolyutsii. 1917–1929 gg.* [“The Order of Sword-Bearers”: the Party and the Power After the Revolution. 1917–1929], Moscow: Sobranie.

Pikhoya R.G. (2000) *Sovetskij Soyuz: istoriya vlasti. 1945–1991* [Soviet Union: The History of Power. 1945–1991], Novosibirsk: Sibirskij Khronograf.

Sorokin P.A. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society], Moscow: Politizdat.

Voslenskij M.S. (1991) *Nomenklatura. Gospodstvuyushchij klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union], Moscow: Sovetskaya Rossiya.

Werth N. (2010) *Terror i besporyadok. Stalinizm kak sistema* [Terror and Disorder. Stalinism as a System], Moscow: ROSSPEN.